

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2(67). С. 17–23
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2025;2(67):17–23

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47598/2078-9025-2025-2-67-17-23

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТА ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Александра Дмитриевна Борисова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, Sashaborisova24@ya.ru

Аннотация. В условиях нарастания кризисных тенденций в системе международных отношений «мягкая сила» приобретает новое звучание как средство отстаивания интересов на международной арене. Современные постиндустриальные страны в условиях появления инновационных технологий и ускорения глобализации для поддержания конкурентоспособности в международных отношениях постепенно меняют свой подход к международному общению с принуждения на методологию «предложения».

Ключевые слова: гибридная война, мягкая сила, экономические санкции, концепции, открытая война, жесткая сила

Для цитирования: Борисова А. Д. Использование мягкой силы как инструмента ведения гибридной войны // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2 (67). С. 17–23. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-2-67-17-23>.

Research article

THE USE OF SOFT POWER AS A TOOL FOR CONDUCTING HYBRID WARFARE

Alexandra D. Borisova

Russian Economic University named after G. V. Plekhanova, Moscow, Russia, Sashaborisova24@ya.ru

Abstract. In the context of the growing crisis trends in the system of international relations, «soft power» is gaining a new meaning as a means of upholding interests in the international arena. Modern post-industrial countries, in the context of the emergence of innovative technologies and the acceleration of globalization, are gradually changing their approach to international communication from coercion to the "proposal" methodology in order to maintain competitiveness in international relations.

Keywords: hybrid warfare, soft power, economic sanctions, concepts, open warfare, hard power

For citation: Borisova A. D. The use of soft power as a tool for conducting hybrid warfare. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;2(67):17–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-2-67-17-23>.

На распределение ограниченных экономических преимуществ в большей степени влияет использование производительных сил, непосредственно связанных с индивидуальными особенностями, чем традиционные факторы производства. Воздействие принудительных стратегий разрешения государственных конфликтов перерастает в национальную конкуренцию, характеризующуюся в первую очередь ненасильственной конфронтацией, что приводит к появлению термина «мягкая сила», который логически объединяет невоенные подходы к конкуренции и разрешению конфликтов между международными субъектами.

В распоряжении правительств есть множество инструментов для расширения своего

влияния. Они могут использовать как «жесткую силу», которая включает военную силу и экономические санкции, так и «мягкую силу» — комплекс внешнеполитических методов и инструментов, предполагающих способность влиять на другие государства и добиваться желаемых результатов через сотрудничество и формирование положительного образа страны.

На протяжении последних трех десятилетий было опубликовано большое количество научных статей, в которых предпринимались попытки систематизировать методологические принципы исследования идеи «мягкой силы».

Дополнительные исследования, проведенные в этой области, рассматривали проблему адаптации концепции «мягкой силы» к особенностям политической системы и культурных традиций определенной страны.

Концепция «мягкой силы» все чаще привлекает внимание отечественных исследователей. В периодических изданиях были опубликованы многочисленные статьи и написаны монографии, посвященные различным аспектам рассматриваемой проблемы. В коллективной монографии под редакцией О. Ф. Русаковой концепция «мягкой силы» рассматривается как аналитическая основа, особый дискурс и инструмент современной коммуникации [1].

Многие практики утверждают, что она так же стара, как сама война. Тем не менее, в последние годы она приобрела значительную популярность и актуальность, поскольку государства используют негосударственных субъектов и информационные технологии для подавления своих противников во время или в отсутствие прямого вооруженного конфликта.

Концепция гибридной войны остается предметом споров, и универсально согласованного определения ей не существует. Она подвергалась многочисленной критике за отсутствие концептуальной ясности, за то, что является всего лишь крылатой фразой или модным словечком и не привносит ничего нового в политические дебаты. Тем не менее, эта концепция дает нам ключевую информацию о современных и будущих вызовах в области безопасности и обороны.

Проще говоря, гибридная война предполагает взаимодействие или слияние как обыч-

ных, так и нетрадиционных инструментов силы и средств подрывной деятельности. Эти инструменты или инструментальные средства используются синхронно для выявления уязвимостей противника и достижения синергетического эффекта.

Гибридная война имеет две отличительные черты. Во-первых, стирается грань между войной и мирным временем. Это означает, что трудно определить порог войны. Война становится неуправляемой по мере того, как ее становится все труднее осуществлять.

Гибридная война, уровень которой ниже порога войны или прямого открытого насилия, приносит свои плоды, несмотря на то что она проще, дешевле и менее рискованна, чем кинетические операции. Гораздо более целесообразно, скажем так, спонсировать и распространять дезинформацию в сотрудничестве с негосударственными субъектами, чем вводить танки на территорию другой страны или поднимать истребители в ее воздушное пространство. Затраты и риски заметно меньше, но ущерб реален. Ключевой вопрос здесь заключается в следующем: может ли быть война без каких-либо прямых боевых действий или физической конфронтации? Учитывая, что гибридная война пронизывает межгосударственные конфликты, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Это также тесно связано с философией войны. Как утверждал древний военный стратег Сунь-цзы, высшее военное искусство заключается в том, чтобы подчинить врага без боя.

Вторая определяющая характеристика гибридной войны связана с неопределенностью и приписыванием причин. Гибридные атаки, как правило, характеризуются большой неопределенностью. Такая неясность намеренно создается и расширяется гибридными участниками, чтобы усложнить установление причин, а также ответные меры. Другими словами, страна, ставшая мишенью, либо не в состоянии обнаружить гибридную атаку, либо не в состоянии отнести ее на счет государства, которое, возможно, ее совершает или спонсирует. Используя пороговые значения обнаружения и атрибуции, гибридный субъект затрудняет разработку государством-объектом политики и стратегических ответных мер.

Вместо открытой войны противник подавляется целым набором специально разработанных методов и тайных операций. Инструментарий весьма широк:

- организация и поддержка различных НПО и НКО;
- организация и поддержка так называемых «цветных революций»;
- организация и поддержка государственных переворотов военными;
- организация и осуществление скрытых диверсий и террористических актов;
- организация кибервойны, когда на фоне непрерывных хакерских атак в электронные системы управления государственных структур и жизненно важных экономических объектов «государства-противника» внедряются вредоносные вирусы (а порой и полностью перехватывается управление этими объектами);
- организация и поддержка повстанцев или партизан и проч.

Некоторые конспирологически настроенные политики и общественные деятели России утверждают, что еще в пятидесятые годы прошлого столетия основные цели и задачи американской «мягкой силы» были сформулированы руководителем ЦРУ Алленом Даллесом в так называемом «Плане Даллеса». Суть этого плана — уничтожение СССР и моральное разложение советского народа. Обсуждение вопроса, реально ли существовал такой документ или это выдумка, не входит в задачи данной работы. Тем не менее, на мой взгляд, уместно вспомнить известную шутку: «План Даллеса не существует, но действует», ибо в каждой шутке есть доля правды.

В ряде стран высокая культура, включающая литературу, музыку, искусство, не достаточно развита в силу особенностей исторического развития, существования религиозных запретов или особых политических установок и не предназначена для широкой аудитории. Но она может быть успешно включена в стратегию «мягкой силы» для элит зарубежных стран.

Напротив, массовая культура предназначена для самых широких кругов населения всего мира. Например, известный политолог Збигнев Бжезинский отмечал, что американская массовая культура, несмотря на ее некоторую примитивность, чрезвычайно притягательна для простых людей, особенно для молодежи

всего мира, ввиду несложности своего содержания и доступности для понимания даже среди совершенно не образованных людей [2].

Глобальный индекс мягкой силы основан на опыте в оценке национальных брендов и сосредоточен на количественной оценке мягкой силы различных стран по всему миру [1].

Эксперты сходятся во мнении, что «мягкая сила» дает множество преимуществ странам, людям, которые в них живут, предприятиям и организациям. Страна, обладающая сильным национальным брендом и благоприятным имиджем своей «мягкой силы», имеет возможность позиционировать себя как для туристов, так и для инвесторов, а также повысить репутацию благодаря качеству своих продуктов и услуг [3]. К тому же это позволяет стране завоевать уважение своего собственного народа, продавать ресурсы и поддерживать свой имидж на мировом рынке.

Сильный национальный бренд внутри страны и на международном уровне — одно из преимуществ «мягкой силы».

Оценка активов и недостатков страны начинается с измерения «мягкой силы». Это, в свою очередь, помогает правительствам определять приоритеты для укрепления своей глобальной репутации и направлять свою политическую стратегию. Для того чтобы инициативы приносили ощутимую отдачу, необходимы контрольные показатели и подотчетность [1].

В определенных случаях неспособность страны эффективно сообщать о своих сильных сторонах и ресурсах может ограничить ее «мягкую силу».

Эффективная коммуникация и использование «мягкой силы» страны начинаются с всестороннего понимания текущей репутации, ценности бренда и любых неправильных представлений, которые необходимо исправить.

Восприятие «мягкой силы» страны является решающим фактором, определяющим силу ее бренда в целом.

Работа политолога Джозефа Ная, сформулировавшего суть понятия «мягкая сила» в статье «Soft Power», была опубликована в журнале *Foreign Policy* в 1990 году. Согласно определению Дж. Ная, термин «мягкая сила» относится к способности влиять на предпочтения других людей, апеллируя к ним [4].

Многие ученые указывали на то, что Дж. Най не дал четкой формулировки, что же такое «мягкая сила», в чем ее цели и задачи, каковы ее ресурсы и инструментарий, не описал образцовый пример «мягкой силы» какого-либо государства.

В ответ Дж. Най возражал им, что, в принципе, не может существовать некая единая универсальная концепция «мягкой силы», так как каждое государство неповторимо, поскольку имеет свою уникальную историю, культуру и традицию. Поэтому у каждого государства будет свой индивидуальный набор ресурсов для формирования «мягкой силы», эффективность которой будет зависеть от исторического опыта этого государства в области внешней политики, от того какие цели и задачи преследует государство, на кого хочет воздействовать своей «мягкой силой» это государство и т. д. и т. п.

Дж. Най определил понятие «мягкой силы» достаточно расплывчато, в дальнейшем сущность термина «мягкая сила» была упрощена до способности влиять на других, чтобы достичь желаемых целей, используя собственную привлекательность. Использование инструментов «привлекательности» стало характеристикой, отличающей «мягкую силу» от предыдущих способов манипулирования политическими субъектами, задействованные на мировой арене. Однако именно отсутствие конкретики в определении понятия привело к разработке самых разнообразных интерпретаций и методологий для изучения феномена «мягкой силы» в будущем. В конечном итоге они легли в основу превращения этой категории в самостоятельное понятие в рамках теории международных отношений [3].

Дж. Най характеризует новую идею «мягкой силы» как основанную на убеждении, привлечении и добровольных соглашениях о взаимодействии. «Мягкая сила» контрастирует с «жесткой силой», которая применяется с помощью силы и угроз.

Попытка принудить партнера к действиям для него нежелательным может привести к сопротивлению контрагента оказываемому давлению.

Таким образом, согласно концепции «мягкой силы» Дж. Най, успех на международной арене может быть достигнут путем доброволь-

ного согласия объекта предложить помощь в достижении желаемой субъектом цели. Именно Дж. Най впервые назвал культуру, политические принципы и внешнюю политику «мягкой силой».

Британский политолог С. Льюкс рассматривал концепцию Дж. Най как идею о третьем лице. Подход Дж. Най Льюкс называет «тупым инструментом», поскольку Дж. Най не в состоянии отличить убеждение от создания предпочтений [5].

Дж. Маттерн, исследователь из Американского университета Виллановы, подчеркнул, что «мягкой силе» не хватает определенного механизма для создания привлекательных ценностей [6].

Т. Холл эвристически усомнился в ценности концепции «мягкой силы» Дж. Най, подчеркнув его аналитические недостатки. Ученый отметил, что, хотя теория обладает особенностями, которые предрасполагают к тому, чтобы стать категорией практики, «мягкая сила» не является категорией анализа.

В 2011 году американский исследователь Дж. Галларотти предположил, что концепция «мягкой силы» не подвергалась существенной теоретической разработке и имеет лишь ограниченное практическое применение. И это несмотря на то, что она вызвала значительный интерес как в академической, так и в популярной областях. По прошествии более десяти лет Дж. Галларотти начал с того, что идея «мягкой силы» превратилась в неотъемлемый компонент современной теории международных отношений, который постоянно развивается [7].

В условиях нарастания кризисных тенденций в системе международных отношений «мягкая сила» приобретает новое значение как средство отстаивания интересов на международной арене.

Таким образом, хотя концепция увеличения своей власти и влияния на международной арене за счет привлекательности не нова, только в начале 1990-х годов XX в. она была сформулирована на уровне полноценной историко-политологической концепции американским политологом Дж. Наймом. Именно такой вывод можно сделать из представленной здесь информации.

Развитие «жесткой силы» намного проще для крупных, богатых государств, так как у таких стран большой ВВП и сильная экономика, что означает, что они могут вкладывать больше денег в содержание сильных вооруженных сил. Однако небольшие государства могут получить «мягкую силу», не обязательно нуждаясь в огромных экономических или военных ресурсах, как это было в случае с Японией с 1980-х годов по настоящее время [3]. У Японии больше ресурсов «мягкой силы», чем у любой другой азиатской страны. В 2004 году Япония занимала первое место в мире по количеству патентов, первое место по продолжительности жизни, второе место по продажам книг и музыки, второе место по экспорту высокотехнологичной продукции и третье место по расходам на исследования и разработки в процентах от ВВП [4]. Очевидно, что в современном мире государствам гораздо легче получить «мягкую силу», чем «жесткую силу».

Государства, которые признаны самыми могущественными в мире, обладают как «жесткой», так и «мягкой силой» и способны использовать их в своих интересах, что иногда называют «умной силой». США на сегодняшний день обладают самыми крупными и передовыми вооруженными силами и большим годовым военным бюджетом [8]. Американская «мягкая сила» также чрезвычайно важна, поскольку американская культура и такие компании, как Apple, Nike, Microsoft и Coca-Cola, популярны почти повсеместно.

Неореалисты утверждают, что «мягкая сила» незначительна, поскольку государства реагируют только на два стимула в глобальной политике — экономические стимулы и силу. Примером этого может быть ядерная сделка с Ираном 2015 года. Здесь можно утверждать, что США использовали «мягкую силу», чтобы заключить сделку с Ираном по ограничению их ядерной программы и сокращению на 98 % запасов урана путем сворачивания своих мер «жесткой силы» в форме разрушительных экономических санкций.

Практика публичной дипломатии и ее формы — культурной дипломатии, является важным аспектом процесса установления контактов между субъектами для того, чтобы каждый мог сформировать позитивный образ само-

го себя, а также повысить осведомленность о своей собственной культуре и спрос на нее.

В условиях идеологической войны предпринимаются попытки девальвировать культуру контрагента и заменить ее своими собственными культурными представлениями. Термин «публичная дипломатия» был введен в середине 60-х годов XX в. американским дипломатом Эдмундом Галлионом [1]. Публичная дипломатия была создана отчасти для того, чтобы отделить коммуникационные операции правительства за рубежом от термина «пропаганда», который приобрел сомнительный подтекст.

За последние полвека общественная дипломатия получила признание как стратегия, которая является прозрачной и недвусмысленной для суверенного государства при общении с народами других стран. Целями публичной дипломатии являются распространение информации и оказание влияния на международную аудиторию. Это делается для продвижения национальных интересов и укрепления внешней политики. Принимая во внимание общепризнанную точку зрения, публичная дипломатия рассматривается как важнейший компонент межгосударственной дипломатии. Обычной практикой является организация мероприятий с целью повышения имиджа или репутации «направляющей» страны в «принимающей» стране с целью создания более благоприятной политической обстановки [9].

Согласно концепции «мягкой силы» Дж. Ная, «мягкая сила» становится основой публичной дипломатии. Она рассматривается как ресурс, а публичная дипломатия — это механизм, который стремится использовать ресурсы «мягкой силы».

Термин «мягкой силы» Дж. Ная основан на понятиях привлекательности и влияния, позволяющих государствам определять повестку дня на международной арене и формировать предпочтения других. Хотя, по мнению Дж. Ная, средства достижения этой цели носят не только культурный характер, поскольку он рассматривает внешнюю политику государств и их политические ценности как одинаково важные элементы имиджа нации, «мягкая сила» часто упоминается как основа для понимания логики культурной дипломатии как учеными, так и в политических кругах [4].

Установление долгосрочных связей с обычными людьми — одна из главных целей культурной дипломатии. Это может быть достигнуто с помощью программ академического и культурного обмена, грантов и стипендий, тренингов, конференций и доступа к информационным ресурсам. В этом смысле культурная дипломатия становится все более важным инструментом для создания равновесия и взаимной выгоды во взаимодействиях, существующих между государствами.

«Мягкая сила» получает легитимность благодаря идеалам, институтам и внешней политике страны. Культурная дипломатия — это стратегия мобилизации «мягкой силы» страны за рубежом, поэтому государство принимает активное участие в распространении «мягкой силы». Эта сила убеждения основана на нематериальных ресурсах, таких как привлекательная культура и ценности международной организации.

Публичная дипломатия охватывает более широкую область, чем «дипломатическое общение». Публичная дипломатия предполагает взаимное общение и взаимодействие. Прислушиваясь к целевым группам и определяя их приоритеты, публичная дипломатия представляет собой один из ключевых элементов этого многогранного процесса коммуникации. В этом смысле публичная дипломатия — это динамичный и многомерный процесс коммуникации. Ее ключевыми элементами являются слушание в той же степени, что и разговор, понимание в той же степени, что и объяснение, и общение в той же степени, что и информирование.

Мягкая сила — один из важнейших компонентов публичной дипломатии. Еще одним важным элементом является общественное мнение, которое играет все более важную роль в формировании национальной и глобальной политики.

Фундаментальным условием успешной публичной дипломатии является следование рациональной, убедительной и оправданной политике. Невозможно поддерживать или объяснять мировому сообществу политику, которая является несправедливой, игнорирует универсальные нормы права или поощряет незаконные методы, такие как угрозы, насилие и оккупация. Например, страна, которая систематически нарушает права человека или держит другую страну под оккупацией, не может прово-

дить успешную государственную политику «мягкой силы». Политика Китая в Восточном Туркестане, оккупация Израилем палестинских территорий, вторжение в Афганистан и Ирак при Джордже У. Буше и др. делают невозможным успешное проведение публичной дипломатии этими странами с различными политическими и географическими характеристиками.

Основой для практического применения «мягкой силы» является общественная дипломатия, которая начала формироваться путем создания новых или изменения существующих правительственных структур совместно с неправительственными группами.

Отечественные ученые все больше интересуются концепцией «мягкой силы», что подтверждается количеством статей и монографий, а также охватом всех аспектов этой проблемы в научных публикациях. Выражение «гибридная война» стало довольно популярным и важным в последнее время, поскольку страны используют негосударственные акторы и информационные технологии для подрыва врагов как во время, так и в отсутствие прямого военного участия.

Таким образом, «мягкая и жесткая силы» представляют собой две формы власти, осуществляемой государствами, которые различаются по своей природе и функциям.

Мягкая сила приобретает легитимность благодаря идеалам, институтам и внешней политике страны. Публичная дипломатия охватывает более широкую область, чем дипломатические коммуникации, и предполагает взаимное общение и взаимодействие. Для успешной публичной дипломатии важно проводить рациональную, убедительную и оправданную политику, поскольку она не может поддерживать или объяснять политику, которая является несправедливой, игнорирует универсальные нормы права или поощряет незаконные методы, такие как угрозы, насилие и оккупация. Российские ученые проявляют все больший интерес к концепции «мягкой силы», которая в последнее время стала популярной и важной. Гибридная война, в ходе которой страны используют негосударственных субъектов и информационные технологии для подрыва позиций противника во время и без прямого военного вмешательства, приобретает все большее значение.

Список источников

1. Мягкая сила: теория, ресурсы, дискурс / П. И. Агашкова [и др.] ; под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. 373 с. : ил.
2. Бжезинский, Збигнев К. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство; Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / пер. с англ. О. Колесникова, М. Десятовой. Москва : АСТ, 2018. 479 с.
3. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004. 206 p.
4. Паршин П. Б. «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. Москва : МГИМО-Университет, 2020. 285 с.
5. Lukes S. *Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power* // *Power in World Politics* / ed. by F. Berenskoetter, M. J. Williams. London : Routledge, 2007. P. 477–493.
6. Mattern J. B. *Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics* // *Millennium : Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33, № 3. P. 583–612.
7. Баранов Н. А. Влияние консервативных тенденций на формирование политической системы России // *Обозреватель — Observer*. 2016. № 3 (314). С. 6–18.
8. Kounalakis M., Simonyi A. *The Hard Truth about Soft Power*. Los Angeles : Figueroa Press, 2011. 48 p. // USC Center on Public Diplomacy : сайт. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u35361/2011%20Paper%205.pdf> (дата обращения 09.03.2025).
9. Gray K. S. *Hard power and soft power: the utility of military force as a policy tool in the 21st century* // Internet archive : сайт. URL: https://archive.org/details/HardPowerAndSoftPowerTheUtilityOfMilitaryForceAsAnInstrumentOf_842 (дата обращения 09.03.2025).

References

1. *Soft Power: Theory, Resources, Discourse* / P. I. Agashkova [et al.]; ed. by O. F. Rusakova. Yekaterinburg: Diskurs-Pi; 2015. 373 p.: ill. (In Russ.).
2. Brzezinski, Zbigniew K. *The choice: global domination or global leadership strategic vision: America and the crisis of global power* / trans. from English by O. Kolesnikova, M. Desyatova. Moscow: AST, 2018. 479 p. (In Russ.).
3. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
4. Parshin P. B. "Soft Power" in the Labyrinth of Discussions. Moscow: MGIMO-University; 2020. 285 p. (In Russ.).
5. Lukes S. *Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power*. *Power in World Politics* / ed. by F. Berenskoetter, M. J. Williams. London: Routledge; 2007. P. 477–493.
6. Mattern J. B. *Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics*. *Millennium: Journal of International Studies*. 2005;33(3):583–612.
7. Baranov N. A. The influence of conservative tendencies on the formation of the political system of Russia. *Obozrevatel` — Observer = Observer — Observer*. 2016;(3(314)):6–18. (In Russ.).
8. Kounalakis M., Simonyi A. *The Hard Truth about Soft Power*. Los Angeles: Figueroa Press, 2011. 48 p. USC Center on Public Diplomacy: site. Available from: <https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u35361/2011%20Paper%205.pdf> (date of access: March 9, 2025).
9. Gray K. S. *Hard power and soft power: the utility of military force as a political tool in the 21st century*. Internet archive: site. Available from: https://archive.org/details/HardPowerAndSoftPowerTheUtilityOfMilitaryForceAsAnInstrumentOf_842 (date of access: March 9, 2025).

Информация об авторе

А. Д. Борисова — аспирант.

Information about the author

A. D. Borisova — a Postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 24.06.2025.